Елизавета БАРАНОВА

(г. Тула)

Баранова (Весина) Елизавета Михайловна родилась в г. Туле. Кандидат технических наук, доцент. Работает в ТулГУ на кафедре «Информационная безопасность». Автор трех книг (2011—2013). Стихи пишет с детства. Пишет прозу. Является автором романа «Гармонические колебания» и нескольких литературных эссе. Публикуется в журналах и альманахах Тулы и др. городов. Победитель различных конкурсов. Член МГО СПР. Награждена литературными медалями.

***

Перелетные птицы-кочевники, где
Та земля, что прекрасней других во сто крат?
Отразились рябины в озерной воде,
Образуя нечеткий, размытый квадрат.
Расскажите мне, птицы, о море, о том,
Как цветет олеандр у подножья секвой.
…Оседает туман сероватым платком
На ольхе, преждевременно ставшей седой…
Распадается небо пронзающий клин
На две равные рваные полу-дуги,
И вожак птичьей стаи, коснувшись седин,
Приземляется возле той самой ольхи.
Говори!
Я по-птичьему точно пойму,—
Я учила с младенчества птичий язык.
Понимая, что я обращаюсь к нему,
Говорит мне седой перелетный кулик:
«Жить оседло любой среди нас был бы рад,
Но крылом от себя мы беду отвели…
А красивей всего — там, где дом твой и сад,—
Ничего нет прекрасней родимой земли»…
Я молчу.
Я смотрю, как кулик облака
Обогнал, разметал,— его крылья сильны.
Он летит надо мной и кричит свысока:
«Ничего нет прекрасней родимой земли!»…
Ухожу. Водоем до весны отрябил,
Спеленал его льдом мимо шедший ведун,
И натянуты тени теперь от рябин
На манер золотых балалаечных струн.
Вот и дом. Вот и сад. Обхожу их, сама
Будто плаваю в свете вечерней зари,
Повторяя запавшие в сердце слова:

«Ничего нет прекрасней родимой земли»…

***

Шита белыми нитками зимняя ночь
И трещит от морозного ветра по швам.
Сердце бьется в стенаниях:
«Боже, отсрочь»,—
Бог молчит
и безмолвствует черт-шарлатан.
А в прозрачном окне,
жгуче чувствуя боль —
От того, что ты не был
(а не был ли?) зван,—
Плачет воском цветным,
как дитя, жирандоль
И тужит, и горюет, и верит слезам.
Я тебя не спасу —
не смогу, но… люблю,—
Признаюсь, как в любви
признавалась вчера
Молодая метель старику февралю
И касалась его голубого чела,
И касалась губами заснеженных рук,
И просила: «Люби — не терпи и не жди»…
Только бился о небо серебряный круг
Лунных пялец метели —
влюбленной швеи.
Сбереги, убеги —
Приворожен — не будь.
Я колдую уже, ждать себе не веля.
…Белошвейка-метель
на иссохшую грудь
Сложит руки крестом
своего февраля…
Не губи — пригуби мой настой.
И прости —
Привороженным жизни иной
не иметь.
Веет — чувствуешь?—
ранней костлявой весной,
Февралю предвещающей скорую смерть…
Я не вскрикну — смолчу.
…Но послышался треск —
Это ночь парусами небес порвалась,
Это так сокрушается мачтовый лес
И моя наболевшая женская
страсть…

***

Слушать песни скрипучих телег
Выхожу к переспелым колосьям.
Попросилась ко мне на ночлег
Перехожая странница — осень,—
Попросилась ко мне на порог,—
Закручинилась сразу крушина,
Как меня жить под чертополох
Осень выгнать из дома решила.
Ах, беда ты моя — не беда!
Ах, ты горе мое — не горе!
…Продырявит собою арба
Небо сочное и голубое.
Собирать по оврагам пойду
Черной ночи березовый деготь.
Только хочется в небе арбу,
Дотянувшись, рукою потрогать,
Только тянется в гору обоз,
Только в след мне ругается осень,
И поют крестовины колес,
И шумят межколесные оси.
Мне себя согревать — горевать
Под тележные песни и крики.
…И грустят, опустев, погреба
В ароматах сухой костяники.